

Г. М. Васильева¹,
Л. И. Харченкова²

СМЕНА ЦЕННОСТНЫХ ПРЕДПОЧТЕНИЙ РОССИЯН И ЕЕ ОТРАЖЕНИЕ В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ

В настоящее время нередко приходится слышать о культурном кризисе и ценностных сдвигах в русском национальном сознании.

Если ранее традиционным было доминирующее положение старших поколений, то сегодня наблюдается возрастание роли молодежи, поскольку молодые адаптируются к переменам, обусловленным техническим прогрессом, быстрее и успешнее. В связи с этим уместно вспомнить концепцию М. Мид³, которая строится на определении зависимости межпоколенных отношений и темпов научно-технической и социальной динамики, где выделяются три типа культур: **постфигуративные**, в которых дети учатся главным образом у своих предшественников; **кофигуративные**, в которых дети и взрослые учатся прежде всего у своих сверстников; **префигуративные**, в которых взрослые учатся также у своих детей.

На наш взгляд, для современного этапа культурного развития характерна именно кофигурация, которая складывается как результат существенных перемен в жизни российского общества. В обществе, где единственной моделью стала кофигурация, считается естественным отличие форм поведения каждого следующего поколения по сравнению с предыдущим. Так, студенты Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, которым предлагалось выстроить в виде пирамиды ценности, актуальные для них и их родителей, на вершине своей пирамиды нередко размещали такие ценности, как *карьеризм*, *умение влиять на людей*, *умение выделиться среди других*. Для родителей же актуальными оказались следующие ценности: *гостеприимство*, *душевная гармония*, *честность*, *открытость*, *верность дружбе*, *патриотизм*. Таким образом, студенты продемонстрировали наличие ценностных сдвигов у представителей разных поколений, происходящих в рамках одной культуры.

Безусловно, у представителей одной культуры могут наблюдаться определенные различия ценностных картин мира, которые порождаются как субкультурными

ми, так и индивидуальными особенностями. Как известно, любая культура состоит из множества субкультур, имеющих как возрастные, так и социальные различия (например, субкультуры гуманитарной и технической интеллигенции, субкультура предпринимателей и т. д.), характеризующихся определенными особенностями интерпретации и оценки окружающей действительности. Однако, по мнению культурологов, любое общество, какую бы сложную структуру оно ни имело, всегда обладает неким «ядром культуры», которое состоит из общих для большинства субкультур фрагментов ценностной картины мира, позволяющих представителям лингвокультурной общности однозначно воспринимать и оценивать некоторые ключевые ситуации, а также понимать друг друга.

К безусловным ценностям русской культуры, свидетельствующим о «широте русской души», многие исследователи традиционно относят такие качества, как *самопожертвование*, *удаль*, *храбрость*, *доблесть*, *отвага*, *героизм* и др. Перечисленные качества присутствуют в ассоциативных рядах ко многим лексемам русского языка (ср., например, реакции на стимулы «герой», «воин», представленные в Русском ассоциативном словаре). Богатый ассоциативный фон зафиксирован и у лексемы «кавалерист», не попавшей, к сожалению, в список стимулов, включенных в РАС. Слово «кавалерист» в значении «военнослужащий кавалерии» было включено нами в материалы свободного ассоциативного опроса, проведенного среди различных возрастных и социальных групп респондентов (студентов и преподавателей РГПУ им. А. И. Герцена). Названный стимул получил следующие повторяющиеся реакции: *красный*, *Буденный*, *атака*, *усы*, *Гражданская война*, *удаль*, *доблесть*, *сабли наголо*, *героизм*, *рубить с плеча*, *безудержность*, *гусар*, *война*, *напор*, *лихой*, *экстремизм* и др.

Следует отметить, что в ответах участников опроса были зафиксированы не только те реакции, которые соотносят данное слово с конкретными историческими фактами, но и те, которые имеют характеризующую функцию. Наибольшее число негативно окрашенных реакций дали представители младшего поколения (аспиранты и студенты), а наибольшее число положительных реакций было получено у старшего поколения. Таким образом, в сознании молодого поколения такие качества, как *удаль*, *героизм*, *доблесть*, чаще «соседствуют» с негативными характеристиками (*экстремизм*, *натиск*, *стремление рубить с плеча* и т. д.).

Можно предположить, что богатство ассоциативного фона к слову «кавалерист» у всех участников эксперимента объясняется особой ролью кавалерии в русской истории, перенасыщенной войнами и сражениями. Историческая роль русской кавалерии в сознании русских людей старшего поколения была подкреплена романтизацией и поэтизацией Гражданской войны,

¹ Профессор кафедры межкультурной коммуникации Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург), доктор филологических наук. Автор более 100 научных и научно-методических работ по лексикологии, лексикографии, лингвокультурологии, межкультурной коммуникации, в т. ч. «Основные направления формирования межкультурной компетенции студентов гуманитарных специальностей» (в соавт.) и др.

² Профессор кафедры рекламы и связей с общественностью СПбГУП, доктор педагогических наук. Автор более 200 научных и методических работ, в т. ч.: «Риторика и речевое воздействие: сборник упражнений» (в соавт.), «Прикладные аспекты межкультурной коммуникации (на примере русско-финского взаимодействия)» (в соавт.), «Методика изучения невербальной коммуникации (на примере русского и китайского жестового поведения)» (в соавт.), «Основные направления формирования межкультурной компетенции студентов гуманитарных специальностей», «Креативный потенциал текстов массовой культуры (на примере рекламы)» и др.

³ Мид М. Культура и мир детства: избр. произведения / пер. с англ. и коммент. Ю. А. Сеева; сост., авт. послесл. и отв. ред. И. С. Кон. М.: Наука, 1988.

о чем свидетельствуют многочисленные литературные произведения, песни и кинофильмы. Ввиду этого особенности, присущие кавалеристам, приобрели в сознании русских людей (особенно старшего поколения) яркость, особую значимость, устойчивость и положительную окрашенность.

Существенные изменения социальных и экономических условий жизни российского общества редуцировали романтическое восприятие данного явления у младшего поколения, способствовали выдвиганию на первый план таких качеств, как *экстремизм, натиск, безудержность*, вступающих в определенный диссонанс с закономерностями мирной политической жизни и новых экономических отношений. Негативные коннотации актуализировались в новом значении слова «кавалерист»: «О стороннике решительных действий, скорых перемен в экономике, политике», зафиксированном в словаре «Новые слова и значения» (1997). Выделенное значение иллюстрируется таким примером: «Кавалеристы могут какое-то время давить на административные рычаги, но они не способны обеспечить долговременное здоровье общества и его нормальное развитие»¹. Таким образом, движение лексем по оценочной шкале «хорошо-плохо» свидетельствует не только об определенной ценностной вариативности, во многом обусловленной неоднородностью национальной культуры, но и о некоторых модификациях ценностного ядра национальной культуры.

Во многих работах, посвященных состоянию русской культуры на современном этапе, отмечается определенное изменение ценностных ориентиров национальной культуры, которое характеризуется как прогрессивное и как крайне регрессивное явление. Так, В. К. Кантор констатирует: в наши дни «растет поколение, которое не связывает свои надежды на устройство жизни с государством, полагаясь прежде всего на личные усилия, ум, талант, умение и ловкость»².

Однако реакция на ценностные сдвиги в современной культуре чаще имеет менее оптимистическое звучание: «Возник резкий слом прежних ценностных ориентаций. Утверждается идеология индивидуализма,

накопительства... Национальные традиции втаптываются в грязь. Цель жизни теперь — только деньги»³. Оправданное беспокойство, вызванное столь заметной «переоценкой ценностей», заставляет ряд авторов рассматривать их как проявление необратимо развивающихся культурных процессов.

Несмотря на некоторые специфические черты современного состояния русской культуры, следует отметить, что, на наш взгляд, подобная ценностная переориентация, несмотря на всю ее масштабность и яркость проявления, еще не свидетельствует о глубине, системности и необратимости изменений ценностных основ национальной культуры.

Проблема системного, поступательного развития мировых культур в соотношении с их временными, относительными модификациями решается в современной культурологии с помощью обращения к биологическим понятиям «ароморфоз» и «идиоадаптация», которые предлагает использовать Э. С. Маркарян⁴ в целях решения проблемы эквивалентности объектов культуры. На наш взгляд, проблема переоценки приоритета ценностей духовно-нравственного порядка в пользу ценностей экономического характера в русской культуре нашего времени может быть проанализирована с помощью этих же понятий.

Ароморфозы с точки зрения культурологии понимаются как такое состояние маргинальной лингвокультурной общности, когда произошла или происходит коренная перестройка или замена системы ценностей. «Идиокультурные адаптации» (термин Э. С. Маркаряна), служащие объяснением временных, поверхностных, часто вынужденных, защитных культурных изменений, обуславливают специфичность тех или иных семиотических феноменов в одной лингвокультурной общности по сравнению с другой.

Представляется, что процесс отхода от ценностей духовного плана к ценностям материально-экономическим не может иметь непрерывно поступательного характера, присущего ароморфозам прежде всего в силу опасности полной победы цивилизации над культурой и природой как неизбежного результата такого системного «прогресса».

¹ Литературная Россия. 1988. № 13.

² Кантор В. К. Стихия и цивилизация: два фактора «русской судьбы» // Вопросы философии. 1994. № 5. С. 44.

³ Рощенко Л. А. Снижение экологического состояния русского языка — одно из слагаемых духовного и культурного распада народа // Духовные национальные традиции русского народа и русский язык. Липецк, 1995. С. 74.

⁴ Маркарян Э. С. Теория культуры и современная наука: Логико-методологический анализ. М., 1983.